

Александр Гармев

ОСТАВНИК

A person in tactical gear, including a balaclava and a vest, is running down a long, ornate hallway. The hallway has a polished floor and chandeliers. The person is running towards the camera, and their shadow is cast on the floor. The title "ОСТАВНИК" is overlaid in large, 3D, white letters with a green shadow.

18+

Александр Гарцев

Отставник

<https://litres.ru/74684954>

SelfPub; 2026

Аннотация

В романе "Отставник" писатель Александр Гарцев снова возвращается в девяностые годы.

Эпоха, где закон уступил место «понятиям», а честь стала товаром.

Старшего лейтенанта Александра Петров, ветерана горячих точек, вышвыривают из армии под надуманным предлогом.

Оптимизация штатов, утерянное личное дело, украденная военная пенсия — система, которой он служил, выбрасывает его на улицу выживать.

Александр возвращается в родной Пореченск, чтобы застать лишь разруху: холодную квартиру, больную мать и город, в котором заправляет Дмитрий Сергеевич «Говорун» — местный олигарх, и бандит в одном лице.

Желая просто выжить и заработать на лекарства для матери, Александр устраивается охранником на завод Говоруна.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Гарцев

Отставник

Глава 1

В кабинете пахло пылью. Она въелась в дешевый серый пластик стен еще в советскую эпоху, и дешевый линолеум под ногами Александра тихо электризовался при каждом движении. К запаху праха примешивался кислый, пережженный аромат растворимого кофе из эмалированной кружки подполковника Зимина.

Александр сидел на стуле для посетителей. Спина прямая, плечи развернуты, кисти рук расслабленно лежат на коленях. Поза «вольно», но без фамильярности. За окном КПП медленно падал мокрый декабрьский снег, мгновенно превращая плац в серое, чавкающее месиво. Там была понятная жизнь: развод, караул, регламент. Здесь, в кабинете, пахло списанием.

Зимин, крупный, нездорово отекший мужчина, долго перекладывал бумажные листы. Его погоны с одинокой подполковничьей звездой казались непропорционально тяжелыми для поникших плеч. Тяжелыми, как камень на шее.

— Садись ближе, Старший, — сипло сказал Зимин, не поднимая глаз от бумаг. — Разговор есть. Официальный.

Александр пересел. Слово «Старший» — производное от позывного «Старый» — в устах командира прозвучало как сухой щелчок затвора. Так называли тех, кому до пенсии рукой подать, но которые всё еще зачем-то тянут лямку.

— Приказ пришел, — Зимин пододвинул через стол лист плотной бумаги с фиолетовой мастичной печатью. — Оптимизация. Штаты режут по живому.

Александр взял лист. Пальцы, привыкшие к шершавому пластику цевья и ребристой рукояти, ощутили гладкую, мертвую фактуру казенной бумаги. «О высвобождении в связи с организационно-штатными мероприятиями». Сухо. Безлично. Как справка о смерти.

— Жаль, Саша, — Зимин наконец поднял взгляд. В его глазах, красных от недосыпа, плескалась водка, выпитая вчера с кадровиками для храбрости. — Сорок лет скоро, а ты всё в старлеях прыгаешь. Служил бы ты как все, давно бы уже...

— Я служу, как положено, товарищ подполковник, — ровно ответил Александр.

В кабинете повисла пауза. Слышно было только, как за окном дворник скребет лопатой мокрый асфальт.

— С понедельника, — Зимин тяжело навалился на стол. — Вещи сдать, оружие, форму.

Александр кивнул. Он ждал этого. Армия девяностых доедала сама себя, переваривая собственные кости. Но оставалась одна деталь, которая превращала стандартную обиду в

катастрофу.

— Три года, — сказал он. — Пяндж. Двести первая. Таджикистан. Они идут в выслугу. По льготному. Один день за три.

Зимин тяжело, со свистом вздохнул и полез в сейф. Скрежет металла о металл. Достал тонкую красную папку с грифом «Личное дело».

— Вот в чем дело, Старший... — он побарабанил толстыми пальцами по картону. — Запрашивали мы твоё дело из архива округа. Пришел ответ.

Он открыл папку. Александр видел только его руки — пухлые, в рыжих волосках, похожие на сосиски.

— Ответ отрицательный. Утеряно при передислокации архива в девяносто втором. Нет бумаг — нет войны. Нет войны — календарная выслуга.

— Это ошибка, — голос Александра не изменился, но Зимин, знавший его пять лет, услышал, как он стал на полтона ниже, ушел в инфразвук. — У меня выписки из журнала боевых действий есть. Копии. Командировка подтверждена.

— Выписки для строевой части не документ, — Зимин захлопнул папку. Звук получился неожиданно громким, как выстрел. — Документ — это гербовая печать в личном деле. А ее нет.

Александр молчал. Математика была простой и стерильной. С боевыми — он выслужил военную пенсию в тридцать пять. Без них — до «двадцатки» не хватало трех лет. Ему

было тридцать семь. Он сходил на войну, вернулся, и теперь государство выбрасывало его на улицу за три года до гарантированной законом крошечной выплаты.

— Мне очень жаль, — повторил Зимин. Фраза висела в воздухе, как запах хлорки. Универсальный бронежилет для совести.

Он достал еще один бланк. На этот раз — не казенную распечатку, а плотную карточку приказа по части.

— Есть и хорошая новость, — криво усмехнулся подполковник, обнажая металлические коронки. — Чтобы ты на гражданку не стареем уходил, позоря полк... подпишу представление. За Афганистан, по совокупности.

Он протянул шариковую ручку с логотипом части.

Александр посмотрел на бумагу. «Присвоить очередное воинское звание "капитан"».

Ему тридцать семь лет. Капитан. Так и не дослуживший трех лет до скромной, но спасительной в этом климате военной пенсии.

Он взял ручку. Движение было отточенным, механическим. Он не злился на Зимина — подполковник был такой же шестеренкой, просто чуть выше ростом, а значит, его сильнее давило сверху. Ярость была холодной, кристально чистой. Она была направлена не на кабинет, не на запах кофе и не на фиолетовую печать. Она была направлена на ту невидимую, сытую силу в областном центре, которая «потеряла» его личное дело, чтобы сэкономить на таких, как он,

пару миллионов из бюджета.

Александр расписался. Чернила легли на бумагу ровно, без помарок. Как кровь на снег.

— Разрешите идти? — спросил он, поднимаясь. — Иди, капитан, — кивнул Зимин, пряча подписанный приказ в сейф. — Вещевку не задерживай.

Александр развернулся через левое плечо. Четко, по-уставному. Каблуки тяжелых «берцев» щелкнули по линолеуму. Он вышел в коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь, отсекая запах казенной пыли и человеческого бессилия.

На улице снег повалил гуще, залепляя лицо. Александр поднял воротник старой, еще советской шинели. Он больше не был частью этого механизма. Он был лишним. Мусором.

Но механизмы, которые «теряют» личные дела, имеют свойство ломаться, если в них попадает песок. А песка, крови и умения выживать у капитана Александра Петрова в запасе было больше, чем у всего кадрового управления округа вместе взятого.

Глава 2

Проводница, не дожидаясь полной остановки, с лязгом откатила тяжелую дверь. Внутри вагона ворвался сырой, режущий горло ветер.

Пореченск встретил Александра слякотью. Платформа вокзала была покрыта серой, химически-желтой кашей из песка, талого снега и плевков. Воздух пах угольной гарью, мокрой резиной и дешевым табаком «Прима». У ларьков, переделанных из старых газетных киосков, сбились в стайки таксисты в китайских кожанках. Они кричали хрипло, перебивая друг друга, предлагая «до центра по цене самолета».

Мир за периметром КПП оглушал. Здесь не было прямых линий, только хаос. Люди двигались суетливо, сутулились под тяжестью клетчатых сумок и собственной жизни, смотрели строго под ноги, боясь оступиться в грязь. Александр шел сквозь эту толпу прямо, глядя поверх голов. Его камуфляжная сумка казалась здесь неуместным театральным реквизитом из другого спектакля.

Мать стояла у края платформы, почти сливаясь с серым бетонным забором. Она куталась в вытертое драповое пальто с лисьим воротником, который давно потерял рыжий цвет и стал мышиным. В руках она сжимала авоську, в которой лежал одинокий бумажный батон — он уже начал размокать от сырого воздуха.

Она не плакала. Просто смотрела на него снизу вверх, и в её выцветших, выстиранных временем глазах плескалась такая тихая, застарелая усталость, что Александру на секунду стало физически трудно дышать. — Приехал, Саша, — сказала она, и её голос прозвучал как шуршание старых газет. — Я борщ сварила. С мясом.

Дорога до дома заняла двадцать минут пешком. Район «Старой Слободы» состоял из двухэтажных шлакоблочных бараков. Краска с фасадов облезла лохмотьями, обнажив рыжую, ржавую сетку арматуры. В подъезде пахло сырой штукатуркой, кошачьей мочой и жареной на нерафинированном масле мойвой. Лампочка на втором этаже не горела. Александр нашарил в кармане шинели фонарик-«жучок», металлическая скоба больно впилась в ладонь. Узкий луч выхватил облупленные перила, покрытые густой, черной копотью.

Квартира встретила их могильным холодом. — Батарейки опять еле живые, — извиняющимся тоном сказала мать, разматывая шерстяной платок. Из складок ткани пахнуло нафталином и дешевым мылом. — Говорят, мазут экономят. Коммерсанты.

Александр положил сумку на пол. Квартира состояла из одной комнаты и крошечной кухни. Стены были до самого потолка заставлены стеллажами с книгами. Толстой, Чехов, Бунин — потрепанные корешки советских изданий с золотым тиснением. Это была её крепость. Библиотека, которую она собирала всю жизнь, пока растила его одна.

Он прошел на кухню, повернул вентиль крана. Из ржавого нутра трубы вырвался сиплый вздох, а затем потекла тонкая, маслянисто-рыжая струйка. — Давно течет? — спросил он, касаясь металла. Кран обжег пальцы мертвецким холодом. — Третий месяц. Я ведро подставляю.

Александр посмотрел на свои руки. Руки, которые могли за сорок секунд собрать и разобрать автомат, которые умели накладывать жгут на бедренную артерию в абсолютной темноте, которые знали, как вышибить плечом хлипкую дверь. Сейчас они были абсолютно, униЗИТЕЛЬНО бесполезны. Он не знал, где в этом городе берут гаечный ключ на три четверти и как подмотать паклю на резьбу. — Я вызову слесаря, — бросил он. — Не надо, — мать тихо появилась в дверях. — Они берут дорого. Пенсия только через неделю. Да и не ходят они к нам.

Она достала из старого серванта граненый стакан, насквозь пропахший хлоркой. Налила воды. — Доктор сказал, нужно витамины. И «Эналаприл» новый. А его в нашей аптеке нет. Только по талонам для ветеранов, а я... я же просто учительница.

Александр взял стакан из её рук. Пальцы матери были тонкими, почти прозрачными, и холодными, как ледышки. Он вдруг понял, что его война не закончилась на перроне. Она просто сменила декорации. Там был враг с автоматом Калашникова, здесь — враг в виде ржавой трубы, ледяного радиатора и пустого списка дефицитных лекарств.

— Я разберусь, — глухо сказал он. — Со всем разберусь. Мать слабо улыбнулась и погладила его по плечу, стряхивая невидимую пылинку с его только что выданного кителя с капитанскими погонами. — Мой защитник, — прошептала она. — Мой старший лейтенант.

Он не стал её поправлять. Капитанское звание, полученное в кабинете Зимина из жалости и для статистики, здесь, в этой холодной квартире, не стоило ничего. Оно не грело батареи, не чинило кран и не превращало бумажный батон в хлеб.

Вечером, когда мать уснула под двумя шерстяными одеялами, тихо, по-детски посапывая, Александр сидел на кухне. Он смотрел в черное окно, за которым в тусклом свете одинокого фонаря продолжали падать тяжелые хлопья мокрого снега. Он привык оценивать обстановку, искать огневые точки, сектора обстрела и пути отхода.

Сейчас огневой точкой была эта квартира. Путей отхода не было. Враг был невидим, вездесущ и назывался словом «гражданка». И Александр понимал, что устава для этой войны еще никто не написал. А он был на ней рядовым.

Глава 3

Декабрьский вечер опустился на Пореченск внезапно, словно кто-то просто повернул рубильник. Небо, еще час назад серое, слилось с землей в единую чернильную массу. С неба перестало падать пушистое — теперь с низкого свинцового свода секла ледяная крупа, впиваясь в кожу, как дробь. Ветер, ударяясь о бетонные корпуса промзоны, завывал на разные голоса, гоняя по разбитому асфальту обрывки полиэтилена и пустые картонные коробки.

Завод «Металлист» гудел. Это был не ровный, здоровый гул работающего механизма, а надсадный, астматический хрип заживо гниющего гиганта. Из единственной высокой трубы валил густой, ядовито-желтый дым, оседая на окрестных пятиэтажках жирной, несмываемой сажей.

Проходная встретила Александра запахом кислой капусты, мокрой овчины и озона от коротящей проводки. Сквозь мутное, в трещинах стекло вертушки был виден цех: там, в мертвенном свете ртутных ламп, двигались тени.

В тесной каптерке начальника охраны, пропахшей застарелым потом и дешевым одеколоном «Шипр», сидел человек-гора. Ваха. Начальник службы безопасности Говоруна.

Он не встал. Только медленно поднял голову от ведомостей. Абсолютно лысая голова, покрытая мелкими каплями пота, и шея, переходящая сразу в покатые плечи. Глаза —

маленькие, темные, лишённые всякого блеска. Как два ружейных дула. — Капитан, значит, — Ваха не спрашивал, он констатировал, перекатывая во рту камешки согласных. — Старый.

Александр молча положил на стол направление. Ваха даже не взглянул на бумагу. Он смотрел на руки Александра. На то, как они свободно, без привычной бойцовой скованности лежат на коленях. — Цех готовой продукции, — Ваха кивнул на висящую на стене схему. — Твоя зона. Смена — двенадцать часов. Сутки через двое. — По КЗоТу положено восемь, — ровно ответил Александр.

Ваха медленно растянул губы в улыбке. Она была похожа на трещину в мерзлой земле. — Ты, капитан, устав свой военный забудь. Закопай. Здесь гражданка. Здесь другие законы.

Он достал из ящика стола новенькую, ещё пахнущую заводской смазкой и клеем дубинку ПР-73. Положил её перед Александром, хлопнув по столу. — Твоя работа, служивый, простая. Видишь, как наши ребята коробки с подшипниками в «КамАЗ» грузят — смотри в другую сторону. Видишь, как медь со списанных станков в мешки тырят — отвернись. Понял? Ты здесь не порядок наводишь. Ты здесь глаза закрываешь. За это тебе платят. — Я нанимался охранять имущество, а не обеспечивать крышу воровству, — Александр не притронулся к дубинке. — Если на территории происходит хищение, я обязан зафиксировать и доложить.

Ваха перестал улыбаться. В каптерке стало тихо. Сквозь бетонные стены перестал пробиваться даже гул завода. — Зафиксировать? — переспросил он почти ласково. — А ну-ка, зафиксируй. Он кивнул в сторону окна. Там, под прикрытием сгущающихся сумерек, двое парней в кожаных споро перекатывали через дыру в заборе бочки с отработкой. Ваха лично отдал им знак рукой, разрешающий проход.

Александр взял ручку. Движение было механическим. Он вынул из планшета чистый бланк акта о нарушении внутри-объектового режима. — Фиксирую, — сказал он, начиная писать. — Время: восемнадцать сорок пять. Объект: хищение ТМЦ...

Ручка Вахи — тяжелая, текстолитовая — с силой опустилась на бумагу, раздавив бланк и едва не раздробив фаланги пальцев Александра. — Ты, военный, берега попутал, — прошипел Ваха, подаваясь вперед. От него пахло дешевым табаком, сырым мясом и гнилыми зубами. — Ты думаешь, если ты там, в горах, стрелял, то здесь тебе всё можно? Это город Говоруна. Понял? Здесь дышат, когда разрешат. — Я пишу докладную на имя директора завода, — Александр аккуратно вынул свою руку из-под тяжелой ладони Вахи.

— Иди, пиши, — Ваха откинулся на спинку стула, стул жалобно скрипнул. — Только выход сегодня через «Северные» ворота. Там темно. И скользко.

Александр обвел взглядом каптерку. Мир Вахи был прост: есть хозяин, есть псы, есть еда. Устав в этой системе

был признаком опасной, заразной болезни. — Я выйду через центральную, — сказал Александр, забирая свое направление. — Как положено. Ваха лишь дернул углом рта.

На улице ледяная крупа превратилась в густую, липкую мокреть. Александр шел к центральной проходной, кожей чувствуя пространство. Их было трое. Вышли из тени инструментального склада, когда до вертушки оставалось двадцать метров. Кожаные куртки, широкие штаны, тяжелые ботинки «Доктор Мартинс».

Они не стали ничего говорить. Разговоры — это для тех, кто оставляет свидетелей. Первый шагнул слева, пытаясь зайти в ноги. Второй, с кастетом на правой руке, пошел в лоб. Третий страховал сзади, поигрывая монтировкой.

Александр не стал отступать. Он не стал доставать нож, которого у него не было. Он просто выдохнул, сбрасывая усталость и холодную, кристальную ярость. Мир сузился до трех целей, трех векторов движения.

Он встретил первого прямым ударом основания ладони под кадык, не останавливая шага. Хрустнуло. Первый упал, захлебываясь кровью и морозным воздухом. Второму, летящему с кастетом, Александр просто позволил промахнуться — сделал шаг в сторону, пропустив инерцию удара мимо, и добавил плечом в переносицу. Звук был такой, будто сломали сухую ветку. Третьему, замахнувшемуся монтировкой, Александр поймал руку на излом, используя вес собственного тела, и впечатал колено в незащищенный пах.

Всё заняло не больше пяти секунд. Никакой ярости, никаких лишних движений. Чистая, холодная механика.

Александр перешагнул через стонущее тело, подошел к вертушке проходной. Сунул в окошко вахтеру — старику с медалью «За доблестный труд» на засаленном пиджаке — свое удостоверение. — Я сдал смену, — сказал он. — До завтра. Старик испуганно моргал, глядя то на Александра, то на троих парней, которые, поскуливая, пытались уползти в темноту.

Александр вышел за ворота. Ледяной ветер ударил в лицо, остужая горячие костяшки пальцев. Он понял главное: в этом городе слово «закон» означало только одно — фамилию хозяина. И если он хочет дышать, ему придется научиться ломать челюсти не по уставу, а по необходимости.

Глава 4

Ночь в Пореченске пахла мокрым углем, гарью и медью. Александр ждал этого ровно сутки. Ваха не стал размениваться на мелкие пакости — он пошел к хозяину.

За Александром приехали в два часа ночи. Черный, тонированный «ЛендКрузер» с правительственными номерами, которые здесь, в провинции, смотрелись как издевательство. Его не били, не надевали наручники. Просто вежливо, но с железной фиксацией взяли под локоть у подъезда и усадили на заднее сиденье, зажав между двумя молчаливыми людьми в одинаковых темных пальто.

Банно-оздоровительный комплекс «Мотор» на берегу водохранилища сиял в темноте, как океанский лайнер. Внутри пахло иначе, чем в городе. Здесь не было ни угля, ни мокрой овчины. Здесь пахло кедром, дорогим парфюмом, хлоркой и деньгами.

Его провели через мраморный холл, мимо пустого, подсвеченного бирюзовым светом бассейна, в малый предбанник.

Дмитрий Сергеевич Говорун сидел в одном полотенце, обернутом вокруг пояса. Его тело было белым, рыхлым, лишенным всякого намека на мускулы — тело человека, который никогда не носил бронежилет и не спал в окопах. На круглом, гладко выбритом лице сияла широкая, открытая

улыбка. — Саша, — Говорун развел пухлые руки, словно хотел обнять старого друга. — Садись, дорогой. Остынет всё.

На низком столе между ними лежала разделанная красная рыба, истекающая жиром, стояла запотевшая бутылка «Белуги» и миска с кедровыми орешками. Александр остался стоять. — Дмитрий Сергеевич, у нас был уговор. Я охраняю, вы платите. Мои люди сегодня пытались меня убить.

Говорун вздохнул. Улыбка стала чуть грустной, понимающей. Он плеснул водки в тяжелый хрустальный стакан, подвинул его Александру. — Пей, Саша. И садись. Ноги-то не казенные.

Александр сел. Не потому, что хотел водки, а потому, что стоя он чувствовал себя слишком уязвимым в этом стерильном, давящем на перепонки царстве белого мрамора и пара. Пот сразу выступил на поясище.

— Ваха — дурак, — Говорун взял кусок рыбы пальцами, не стесняясь стекающего на полотенце рыбьего жира. — Прimitив. Решил проблему по-армейски. Но я тебя не за этим позвал. Я позвал поговорить о твоём будущем. Он налил и себе. Чокаться не стал. — Ты сейчас злой. Ты думаешь, что мир несправедлив. Тебя уволили из армии, у тебя мать болеет, а тут я, вор и буржуй, жирую. Думаешь так?

Александр молчал. В парилке было жарко, градусов восемьдесят. Пот щипал глаза, стекал по вискам, но холода внутри это не растапливало. — А мир, Саша, всегда был несправедлив, — Говорун говорил тихо, почти ласково, и

от этого голоса становилось страшнее, чем от крика Вахи. — Просто раньше несправедливость была государственной. Партия решала, кому жить в Москве, а кому — в твоём Пореченске. А теперь, Саша, справедливость приватизировали. Я приватизировал. Он подцепил вилкой орешек. — Ты хороший солдат. Я наводил справки. Пяндж, Кандагар... Ты умеешь убивать и умирать по приказу. Но армия тебя выплюнула. Потому что ты — инструмент. А сломанному инструменту место на свалке. Я предлагаю тебе не быть на свалке.

Говорун наклонился через стол. Его глаза, маленькие и умные, впились в Александра. — Ваха — это молоток. Он бьет. А мне нужен человек, который будет думать. Начальник моей службы безопасности. Не этого шалмана, — он обвел рукой баню, — а всего. Моего завода, моих магазинов, моей... фракции в Думе. Ты будешь моим мечом, Саша.

— Сколько? — спросил Александр. Говорун усмехнулся. Он ждал этого вопроса. — Для начала — пять тысяч долларов в месяц. Квартира в новом доме. Машину подбери сам. Операция для матери в Москве, в лучшей клинике. Лучшие врачи. Любые лекарства. — Он сделал паузу, давая цифрам осесть в перегретом воздухе. — Одно условие. Ты работаешь на меня. А я — работаю на город. Мы с тобой, Саша, будем здесь порядок наводить. По-настоящему.

Александр смотрел на его влажные, пухлые пальцы. На жирное пятно, расплзающееся на льняном полотенце. — Порядок, Дмитрий Сергеевич, начинается с того, что нельзя

воровать подшипники с родного завода.

Улыбка Говоруна на мгновение дрогнула. В парилке повисла тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая только шипением воды на раскаленных камнях. — Эх, Саша, Саша, — Говорун откинулся на резную спинку дивана. — Какой же ты... чистый. Как дистиллят. Ты думаешь, завод живет на подшипниках? Завод живет на том, что я плачу людям зарплату, когда Москва не дает дотаций. Я даю городу свет, потому что сам покупаю мазут. Я — государство. А ты мне про устав.

Он взял бутылку «Белуги», отвинтил пробку и налил водку прямо на стол, заливая красную рыбу, орешки и скатерть. — Свободен, — сказал Говорун, и отеческая теплота исчезла из его голоса без следа, оставив только холодный, звонкий металл. — Ваха!

Дверь предбанника распахнулась. Начальник СБ вошел, вытирая руки полотенцем. Он смотрел на Александра с торжествующим, животным превосходством. — Проводи капитана, — бросил Говорун, возвращаясь к рыбе. — И сделай так, чтобы он больше не нашел работы в этом городе. Вообще. Ни охранником, ни грузчиком. — Сделаем, Дмитрий Сергеевич, — осклабился Ваха. — По статье, — добавил Говорун, не поднимая глаз. — За появление в нетрезвом виде и утрату доверия. Чтобы в трудовой книжке пятно на всю жизнь. Иди.

Александр встал. Ноги затекли, тысячи иголок впились в

мышцы. Он прошел мимо Вахи, чувствуя спиной его тяжелый, ненавидящий взгляд.

На улице шел настоящий, густой снег. Он мгновенно засыпал капот «ЛендКрузера» белой, стерильной пеленой. Александр поднял воротник шинели. Тепло бани начало стремительно уходить из-под кожи, сменяясь ледяным ознобом.

Говорун не просто уволил его. Он плюнул в ту единственную икону, которая у него оставалась — в веру в то, что систему можно починить изнутри, если встать во главе неё. Говорун предложил ему стать частью несправедливости, купить себе право быть палачом вместо жертвы. Александр выбрал замерзнуть на улице. Это была точка невозврата. Теперь между ними была только война.

Глава 5

Январь в Пореченске выстудил небо до звона. Мороз ударил такой, что снег перестал быть мягким — он превратился в алмазную пыль, которая хрустела под ногами, как битое стекло. Дыхание замерзло на лету, оседая на шарфе жесткой белой коркой.

Гаражный кооператив «Металлург-2» тянулся вдоль промзоны бесконечным рядом бетонных коробок. Большинство ворот были наглухо заварены или висели на одной петле, зияя черными провалами в темноту.

Александр искал гараж номер триста четырнадцать. Номер был выведен суриком на ржавчине еще в восьмидесятые, и сейчас его едва можно было различить.

Из-под ворот тридцать четвертого гаража — единственного, где сквозь щели пробивался тусклый, дерганный свет, — тянуло сладковатым, тошнотворным смрадом. Так пахнет паленая водка, прокисший пот и безысходность.

Александр постучал. Не костяшками пальцев — костяшками он бы разбил их в кровь о намерзший лед. Он ударил в железо основанием ладони. Звук получился глухим, тяжелым.

— Кого там черти носят... — голос из-за двери был похож на скрежет напильника по рашпилю.

— Резвый. Открывай.

Загremели засовы. Дверь приоткрылась на длину толстой цепи. В щели блеснул мутный, налитый кровью глаз. Глаз моргнул, сфокусировался на погонах кителя, который Александр так и не снял, и испуганно дернулся.

— Сгинь, ментяра, — прохрипел глаз. — Нету у меня ничего. Сам на подсосе.

— Я не мент, — Александр надавил на дверь. Цепь натянулась, но косяк был старым, деревянным. — Я — Старый. Капитан. Отзовись, Резвый.

Цепь упала с оглушительным лязгом.

Внутри пахло густым, тяжелым теплом. Гараж был превращен в берлогу. Посередине стояла ржавая «буржуйка», труба которой уходила в пробитую вентиляцию. На ней кипел закопченный чайник. Свет давала трехлировая стеклянная банка, в которой плавала оплывшая парафиновая свеча.

На старом матрасе в углу сидел человек.

Резвых. Лицо, когда-то знакомое по учебке, теперь было похоже на географическую карту — изрезанное глубокими морщинами, землистое. Под глазами висели тяжелые, черные мешки. Он был одет в тельняшку с расползшимися швами и полковничью шинель без погон, накинутую на голое тело.

В руке он сжимал граненый стакан, на дне которого плескалась мутная, радужно переливающаяся жидкость.

— Здравия желаю, товарищ капитан, — Резвый попытался вскинуть руку к виску, но получилось лишь вялое, пьяное

движение. — Только я теперь не Резвый. Я — Дно.

Александр прошел внутрь, скрипя гравием под берцами. Он не стал разуваться. Огляделся. Ни одной пустой бутылки — Резвый пил из горла большой, литровой емкости с надписью «Технический спирт. Опасно».

— Вставай, — Александр не просил.

— А то что? — Резвый хрипло засмеялся, и смех перешел в надрывный кашель. — В комендатуру сдашь? Так я свое уже отмаршировал. До дна доплыл. Дальше только в ил.

— Мать у меня болеет, — сказал Александр, глядя на пляшущий огонек свечи. — Говорун перекрыл кислород. Мне нужен ствол. И наводка.

Резвый перестал смеяться. Он медленно, со скрипом суставов, поднялся. Подошел вплотную. От него разило химией и гнилью. Он поднял голову. В глазах на секунду мелькнул тот самый, старый Резвый — ротный балагур и разведчик.

— Ствол... — он облизнул пересохшие губы. — Ствол — это вышка, капитан. С мокрухой на шее ты против Говоруна и часа не проживешь. Он тебя в асфальт закатает, и никто не пикнет.

— Мне не нужны его похороны, — голос Александра был лишен эмоций. — Мне нужны его документы.

Резвый долго смотрел на него. Затем подошел к «буржуйке», снял с нее чайник, налил кипятка в грязную кружку.

— Пять лет, — сказал он, размешивая в кипятке какую-то темную труху, похожую на чай. — Пять лет я смотрю, как

они мою роту... как они всё наше... — он махнул рукой в сторону промзоны. — Я пытался. Писал. В прокуратуру, в Москву. Мне ответили, что я спился и всё выдумал. Я выбрал Дно, капитан. Оно мягче. Оно не сопротивляется.

— Ты мне нужен не как философ, — отрезал Александр. — Ты знаешь, где у них лежат бумаги. Личное дело — это копия. Оригиналы приказов, ведомости, печати — они должны быть где-то здесь, в городе. Не в сейфе завода, там Ваха. Где-то на нейтральной территории.

Резвый отхлебнул свой варево. Его руки, держащие кружку, мелко дрожали. Но взгляд становился всё более осмысленным, трезвым. Тепло и голос старого командира, отдающего приказ, действовали на него как антидот.

— Юрист их, — прохрипел он. — Лев Моисеевич. Бухгалтер. Он не пьет с ними, брезгует. Он бумажная крыса.

— Где его искать?

— Он не встречается. Он передает. — Резвый поставил кружку на капот стоявшего в гараже гнилого «Москвича». — Раз в неделю, по четвергам, он ходит в библиотеку. Городскую. Садится в читальном зале, берет подшивку «Известий» за восемьдесят пятый год. Если ему что-то нужно передать, он кладет газету на стол, раскрытую на странице с курсами валют. Если нужно забрать — на странице некрологов.

Александр слушал внимательно. Это был язык. Пароль. Протокол связи.

— Что у него есть?

— Всё, — Резвый впервые за вечер позволил себе кривую, злую усмешку. — Говорун думает, что он хозяин, потому что у него «КамАЗы» и братва. А хозяин — Бухгалтер. У него флешка. Электронный архив. Все черные кассы, все откаты, все мертвые души. И дубликаты всех кадровых приказов. В том числе и твоего, капитан.

— Где флешка?

— В сейфе. Он старый параноик. Живет на съемной двушке на «Шанхае» — это район хрущевки за речкой. Сейф вшит в стену, за вентиляционной решеткой в сортире. Код — дата рождения Ленина, только наоборот. Он считает себя самым умным.

Александр подошел к «буржуйке». Протянул руки к теплу. План был сырым, опасным и пах тюрьмой. Но это был первый план за неделю, который не заканчивался тупиком.

— Почему помогаешь? — спросил он, не оборачиваясь. — Я же пришел за твоим спокойствием. Вытаскиваю тебя со дна.

Резвый долго молчал. Огонек свечи отражался в его зрачках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.